

Дискурсивная специфика «Севастопольских писем» Н. И. Пирогова

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепр, Украина
Corresponding author. E-mail: elkuvarova@gmail.com

Paper received 23.01.19; Accepted for publication 30.01.19.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2019-190VII56-08>

Аннотация. В статье рассматривается дискурсивная специфика «Севастопольских писем» выдающегося русского врача, педагога, учёного Н. И. Пирогова. Показано, что в этих письмах представлены три типа дискурса: 1) эпистолярный дискурс частного письма, 2) дискурс отчёта, 3) дискурс журнала экспедиции. Синтез различных дискурсивных форм в эпистолярных текстах стал средством рефлексии учёного относительно его деятельности, основой для продолжения им письменного творчества и расширения жанрово-стилистического диапазона создаваемых текстов.

Ключевые слова: письмо, эпистолярный, дискурс, эпистолярный текст, дневник, жанр.

Введение. Закономерным продолжением изучения жанрово-стилистических, функционально-коммуникативных, лингвопрагматических параметров эпистолярных текстов стало рассмотрение эпистолярия в аспекте дискурсологии, которая помещает речевое произведение в широкий социальный контекст, включающий представление об участниках коммуникации, их взаимоотношениях, о процессах восприятия и интерпретации сообщения. Исследование писем как особого вида дискурса в настоящее время осуществляется в работах Н. Ю. Бусоргиной, С. В. Гусевой, Н. А. Ковалёвой, А. В. Курьянович, В. П. Мусиенко, Ю. Л. Науменко, Т. В. Радзиевской, О. С. Сыщикова, О. П. Фесенко и других языковедов.

Краткий обзор публикаций по теме. Анализируя разные подходы к выяснению статуса эпистолярия в современной лингвистике, О. П. Фесенко указывает на продуктивность рассмотрения переписки сквозь призму понятия дискурса [8, с. 140]. Согласно определению А. В. Курьянович, эпистолярный дискурс представляет собой «ряд текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности в единстве их лингвистических и экстралингвистических аспектов рассмотрения, за которыми стоит одна и та же языковая личность автора» [2, с. 146]. Важным для нас здесь является, во-первых, представление о письме как о сложном коммуникативном явлении, языковая форма которого определяется целым комплексом внеязыковых факторов, включающих интенции, установки участников общения, различные обстоятельства, при которых осуществляется переписка, и т. п., а во-вторых, возможность объединить в целостный комплекс множество текстов как результат речевой деятельности одного и того же автора в определённой сфере коммуникации.

Благодаря универсальности эпистолярной формы, а также тому обстоятельству, что обмен письмами, будучи древнейшим способом дистантного межличностного общения, охватывает самые разные сферы человеческой деятельности, в русской культуре сформировались различные виды эпистолярного дискурса. Подходя к их типологии с жанрово-стилистической точки зрения, А. В. Курьянович выделяет эпистолярно-литературный, эпистолярно-научный, эпистолярно-деловой, эпистолярно-литературно-публицистический, эпистолярно-публицистически-деловой типы [3, с. 30–31]. Такая типология представляет собой результат высокого уровня обобщения; если же учесть всё многообразие ситуаций, в которых создаются эпистолярные тексты, то, по-видимому, мы получим более дробную классификацию,

охватывающую многие варианты синтеза разных речевых практик, освоенных человеком, в процессе создания текста. Выяснение специфики конкретного эпистолярного дискурса предполагает, в частности, выявление тех дискурсивных форм, в которых получает языковую реализацию замысел автора. Под дискурсивной формой мы, вслед за Т. В. Радзиевской, понимаем «комплекс лексических и синтаксических единиц, средств связности, речевых маркеров, обуславливающих специфику той дискурсивной практики, которую представляет текст» [6, с. 261].

Целью данной статьи является анализ дискурсивной специфики «Севастопольских писем» выдающегося русского врача-хирурга, писателя, педагога Николая Ивановича Пирогова.

Материалы и методы. Под названием «Севастопольские письма Н. И. Пирогова» в 1907 году были опубликованы письма к жене, Александре Антоновне, написанные врачом во время Крымской войны в 1854–1855 гг., когда он участвовал в обороне Севастополя, где занимался организацией медицинской помощи раненым. Именно эта деятельность и последующее осмысление и описание приобретённого опыта в работах «Начала общей военно-полевой хирургии» и «Отчёты о деятельности сестёр Крестовоздвиженской общины в Крыму» были положены в основу военно-медицинской доктрины Н. И. Пирогова, принятой военными врачами во всём мире [4, с. 80], значение же его писем для истории медицины было высоко оценено специалистами. «Севастопольские письма» после сверки с подлинниками были переизданы в 1950 г. в академической серии «Мемуары» [5], при этом, как отмечает автор комментариев, были устранены ошибки и неточности, допущенные в предыдущем издании [5, с. 503]. В этой книге в цикл «Севастопольские письма», кроме посланий, адресованных жене, были включены письмо Н. И. Пирогова к доктору медицины К. К. Зейдлицу, письмо к чиновнику Министерства юстиции М. И. Топильскому и семь писем к Е. М. Бакуниной, помощнице врача в Крыму. Вместе с тем в издании 1950 г. в текстах писем были сделаны некоторые купюры: опущены несущественные для основной темы приветствия, родственные пожелания, сведения о самочувствии автора писем и т. п. Однако то, что может показаться несущественным для историка или медика, имеет значение при лингвистическом анализе текста, поэтому мы будем ориентироваться на издание 1907 г. [7], в котором тексты писем опубликовались без сокращений, при этом цитаты приводим в современной орфографии.

Результаты и их обсуждение. Ценность «Севастопольских писем» определяется тем, что они дают представление как об организации Крымской военной кампании, о деятельности самого Н. И. Пирогова и руководимой им Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных, впервые обеспечившей уход сестёр милосердия за пострадавшими прямо на театре военных действий, так и о присутствии автору письменном стиле, особенностях его речевой самореализации. Письма отражают и саму поездку из Москвы в Севастополь, путевые впечатления автора, и ход войны; содержат характеристику полководцев, руководивших обороной Севастополя, в частности главнокомандующего князя А. С. Меншикова; передают размышления Пирогова об общественном долге, в которых предстаёт образ автора – врача-гражданина, заботящегося в первую очередь о благе вверенных его попечению больных. В посланиях к жене, составляющих основу всего цикла «Севастопольских писем», представлены три типа дискурса: 1) эпистолярный дискурс частного письма, 2) дискурс отчёта, 3) дискурс журнала экспедиции. Речевая реализация каждого из этих типов дискурса в письмах Н. И. Пирогова будет рассмотрена ниже.

Эпистолярный дискурс частного письма реализует лично ориентированное неофициальное общение и характеризуется полифункциональностью [2, с. 146], диалогизацией [1, с. 10], сложной речежанровой структурой, включающей информативные, этикетные, оценочные, императивные речевые жанры [8, с. 139–141]. Специфика языковой реализации эпистолярного дискурса во многом определяется фактором адресата и тем, как этот фактор учитывается автором письма в процессе создания текста. Письма Н. И. Пирогова содержат традиционные для своего времени нежные обращения к жене: *милая Саиша* (с. 57), *душа* (с. 58), *моя милая душка* (с. 84), *мой милый душиёнок* (с. 84), *мой душиёнок* (с. 86), *мой несравненный ангел* (с. 115), *моя милая, несравненная душка* (с. 116), *моя ненаглядная* (с. 122), *мой несравненный друг* (с. 130), *моя неоцененная* (с. 152) и т. п. Подписывал письма Пирогов чаще всего одним местоимением *Твой* (с. 57, 118, 147), иногда добавляя к нему распространитель: *Твой навсегда* (с. 97), *Твой вечно* (с. 136), *Твой навеки* (с. 153) или *Твой, как всегда* (с. 169). Как обращения, так и подпись адресанта интимизируют коммуникацию и свидетельствуют о глубоко личном характере переписки. В соответствии с эпистолярной традицией XIX века письма завершаются этикетными формулами, часто образующими цельные блоки в концовке текста: *Прощай, береги себя, будь здорова, целую детей. Благословляю и целую вас всех* (с. 57); *Прощай, моя душка; Господь храни тебя и детей. Будь здорова и терпелива; не унывай, молись; целуй и благослови детей. Ещё раз прощай, моя неоцененная. Твой* (с. 152); *Кланяйся всем нашим; поцелуй Машу; благослови детей. Прощай, моя несравненная. Храни тебя и детей Господь* (с. 156).

Исследователи эпистолярики нередко квалифицируют частные письма как реализацию разговорно-бытового стиля языка на том основании, что они создаются в ситуации неофициального общения, когда коммуниканты практически ничем не регламентированы в выборе темы и языковых средств выражения мысли. В частных письмах нередко затрагиваются бытовые проблемы, с этим связано использование бытовизмов,

разговорной лексики, что наблюдается и в «Севастопольских письмах». Н. И. Пирогов рассказывает о транспорте, условиях поездки и быта, временном жилье, одежде, питании, употребляя лексику соответствующей семантики, например: ... *Мы твёрдо решили не расставаться с нашим тарантасом, снабдить его спутри войлоком и клеёнкою...* (с. 69); *Представь себе 5 молодых людей, встающих в одно время с полу, в комнате, в которой от чемоданов и ящичков и повернуться негде. <...> Фельдшера бегают из одной комнаты в другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь морской водой, натягиваю сверх панталон большие мужицкие сапоги, купленные в Екатеринославе и ежедневно питаемые салом, надеваю мой дипломатический стюртук ... и сажусь пить кофе, иногда с молоком, а иногда и без молока, закусывая хлебом, не имеющим никакого притязания называться мягким. В 9-м часу крымский казак приводит четвёрку верховых кляч, я надеваю солдатскую шинель, купленную здесь у одного солдата и перешитую придворным портным, мундирную фуражку, взятую напрокат у Обермиллера, и сажусь на лошадь* (с. 76). При описании трудностей дороги, недобросовестных или глупых людей, с которыми приходилось так или иначе взаимодействовать, автор писем нередко использует сниженную, разговорную или даже просторечную лексику и фразеологию: *Один болтун только, который, несмотря на свои 50 лет, толковал только о девках и пакостях, надоедал мне по милости Витгенштейна, который его затащил к нам* (с. 57); *У Обермиллера была нога стёрта, так что чуть розга не прикинулась* (с. 57–58); *Наконец дотащились до Екатеринослава* (с. 58); *Доходило до того, что мы, видя бесполезность всех мер кротости, вытащили из глубины тарантаса трость <...> и начали ею валять встречного и поперечного на станции* (с. 63); ... *Другого средства в Севастополе нет передвигать ноги, как напавшими на них охотничьи сапоги* (с. 69); *Дурачьё не понял этого, а после хвастались в газете описанием глупого и трудного марша...* (с. 70).

Следует отметить, что разговорная лексика и фразеология используется Н. И. Пироговым ограниченно, в стилистических функциях, преимущественно для выражения экспрессивной оценки, и не является лингвостилистической доминантой анализируемых текстов. Письменная речь принципиально отличается от речи разговорной большей контролируемостью, возможностью предварительного обдумывания и тщательного отбора языковых средств, и обусловленные этим потенции письма Пирогов реализует эффективно, что подтверждается, в частности, проявлениями языковой рефлексии, когда автор, например, поясняет выбор номинативных средств: ... *трость, приобретую, по месту её происхождения, название швейцарки* (с. 63). Творческое отношение к языку проявляется в создании окказиональных слов: *телегокрушение* (с. 62), *реброкрушительный* («я дремлю после реброкрушительной прогулки по Бахчисарайскому шоссе...», с. 60); перифразистических номинаций, например: *татарский вертоград* (о Бахчисарае, с. 67), *Провидение Севастополя* (с иронией, об А. Г. Меншикове, с. 73), эвфемистических замен: *мой дипломатический стюртук, уже порядочно пропитанный различными животными началами* (с. 76). Н. И. Пирогов использует в письмах различные изобразительно-выразительные средства языка: эпитеты (*сме-*

лая кисть какого-то иностранного артиста, с. 65), сравнения (раненые валяются, как собаки, с. 64), метафоры, как общеязыковые (театр войны, с. 67), так и индивидуально-авторские: *Врач и его помощник, один ординатор, оба безответные пещки торчали тут...* (с. 67); антономазию: *Он не может или не хочет сочувствовать солдатам, – он плохой Цезарь* (с. 74). Образованность и высокая степень языковой компетенции Пирогова проявляются в использовании им пословиц: *Человек предполагает, Бог располагает* (с. 117); фразеологизмов: *И мы, и союзники, у моря сидя, погоды ждём* (с. 93), *Нет, этому человеку я ни на волос не верю* (с. 110), *хотел бросить пыль в глаза* (с. 115); латинских и французских крылатых выражений: *nolens volens* (с. 74), *qui vivra, verra* (с. 108), иноязычных вкраплений. В письмах нередко доминантой авторского отношения к объектам повествования становится модус иронии, а языковым средством его реализации – стилистический контраст, сочетание в пределах одного предложения или абзаца разнотилевой лексики. Вот как, например, повествует Пирогов о своей первой встрече с главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму князем А. С. Меншиковым: *В 6 часов вечера я дотащился кой-как до маленького домишка с грязным двором, где заседал главнокомандующий. Едва обо мне доложили, как дверь отворилась, и я стал перед ним, что называется, нос к носу. В конурке, аршина в три в длину и столько же в ширину, стояла, сгорбившись, в каком-то засаленном архалуке судьба Севастополя* (с. 71). Перифраза в книжном стиле *судьба Севастополя* контрастирует здесь со сниженной разговорной лексикой *дотащился, домишко, конурка*, а также с описанием одежды и осанки князя (*сгорбившись; в засаленном архалуке*). Таким образом, «Севастопольские письма» характеризуют их автора как элитарную языковую личность, человека, владеющего лексическими, фразеологическими, стилевыми ресурсами русского языка, проявляющего в текстах творческое отношение к языковым средствам.

Как было отмечено выше, специфика дискурса во многом определяется фактором адресата. «Севастопольские письма» были адресованы Н. И. Пироговым жене, однако адресат их сложнее, о чем сказано в одном из первых писем: *Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для других добрых людей, а, главное, и для себя, может быть* (с. 60). В некоторых посланиях автор указывает жене, что их можно дать прочесть тем, кто интересуется (с. 64), в частности Н. Ф. Здекауеру (врач, ученик Пирогова), Б. А. Глазенапу (учёный моряк, писатель, друг Пирогова). Наряду с отчётами о деятельности Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия, которые отправлялись Пироговым Великой княгине Елене Павловне, учредительнице общины, некоторую информацию для княгини врач приносил и через свою жену: *... Если Великая Княгиня пришлёт ещё к тебе узнать, то скажи, что сёстры до сих пор принялись с ревностью ухаживать за больными, так что 2 занемогли, но, надеюсь, выздоровят; до сих пор ничего не слышно о любовных интригах с офицерами, но, как об этом начали было поговаривать, то я запретил посылать сестёр к юнкерам, тем более, что между ними мало опасно раненых; 5 из них будут жить в Бахчисарае, а остальные все переедут в Севастополь...* (с. 85). Подобные фрагменты писем представляют собой *дискурс отчёта*.

Специфичность дискурса отчёта в письмах Н. И. Пирогова обусловлена теми задачами, которые он ставил перед собой: не только оперировать раненых, но и организовать систему медицинской помощи, включая сортировку, транспортировку больных и раненых, обеспечение их всем необходимым. Поездка Пирогова в Крым стала возможной благодаря Великой княгине Елене Павловне, которая настояла перед Николаем I на разрешении хирургу отправиться в Севастополь, чему препятствовали чиновники военно-медицинского ведомства и интендантства, опасавшиеся разоблачений воровства и неурядиц в госпиталях [5, с. 507], поэтому врач считал себя обязанным информировать княгиню, в первую очередь, о деятельности общины сестёр милосердия.

Отчёт, как правило, предполагает указание периода, за который он производится, перечисление того, что было сделано за это время, и освещение результатов этой деятельности. Соответствующие дискурсивные формы, включающие однородные члены предложения – глаголы с зависимыми от них актантами – находим в текстах писем: *Пробыв 12 дней в Севастополе, я успел в это время распределить больных по отделениям, отделить нечистые раны от чистых и оперировать почти всех запущенных с 24 октября* (с. 78); *... Сёстры до сих пор оказались так ревностными, как только можно требовать, день и ночь в госпитале. Двое занемогли; они поставили госпитали вверх дном, заботятся о пище, питье, просто чудо, раздают чай, вино, которое я им дал* (с. 86). Объектом отчёта становится всё то, что Пирогов наблюдал во время обороны Севастополя: ситуация на фронте, боевые действия, контакты с военачальниками, чиновниками, врачами. Перечисление как типичная форма отчёта нередко сопровождается числовыми данными, например: *В Севастополе теперь тысячи 3 слишком больных и раненых, в Симферополе 4, в Карасубазаре 700, в Бахчисарае 500, в Феодосии 1500, вывозу нет, (...) да ещё если к этому пришьют новое число раненых, то тогда уже Бог знает, как справиться* (с. 83). Во многих случаях автор писем не ограничивается описанием и перечислением фактов, а дополняет их прогнозом развития ситуации, предвидением трудностей, которые могут возникнуть, соображениями относительно того, как их предотвратить.

Ещё одним адресатом «Севастопольских писем» был сам Н. И. Пирогов, отметивший, что пишет их «и для себя, может быть». По-видимому, ещё во время поездки у него возник замысел использовать письма в последующем при написании очерка о Крымской войне или воспоминаний. Редактор и комментатор писем С. Я. Штрайх отмечал, что на этих письмах основана часть текста «Начал общей военно-полевой хирургии» [5, с. 506]. По приезду в Севастополь Пирогов начал писать «Журнал экспедиции», о чём сообщил жене в письме от 24 ноября 1854 г.: *Я начал писать журнал моей экспедиции и посылаю тебе первые 2 листка... Для тебя же должно знать, что я едва управляюсь с делом и возвращаюсь вечером усталый и потому журнал мой пишу отрывками* (с. 64). Две части журнала были отправлены жене вместе с письмами, окончание журнала написано на том же листе, что и письмо от 25 декабря 1854 г. Впоследствии же, по-видимому, на регулярные дневниковые записи времени у врача не оставалось, поэтому роль продолжения начатого текста играют фраг-

менты писем, которые могут быть охарактеризованы как **дискурс журнала экспедиции**.

Журнал экспедиции представляет собой по сути дневник, в который заносятся сведения о событиях, связанных с целью поездки, о соответствующей деятельности участников экспедиции, а также наблюдения за погодой, описание природы тех мест, куда отправились путешественники, их взаимодействия с местными жителями, условий жизни (жильё, продукты, цены и т. п.). Уже в первых посланиях, написанных по пути в Крым, Пирогов характеризует состояние дорог, почтового сообщения в южнорусских губерниях, делает некоторые обобщения, например: *Харьков в отношении образованности, несмотря на то, что университетский город, стоит, по моему мнению, гораздо ниже Екатеринослава* (с. 61). Письма из Крыма отражают впечатления их автора от местной природы: *Около 12 часов утра мы поднялись на гору и нам представился, наконец, Севастополь во всей красе. Местоположение великолепное. Море и горы. Особливо часть города, известная под именем Корабельной слободы, расположена живописно амфитеатром на горе. Нет сомнения, что нет в целом свете лучше Севастопольской бухты. Широкая (в 1¼ версты), глубокая, извилистая, с крутыми берегами, с изумрудной водой и окружённая со всех сторон горами* (с. 68), содержат описание погоды: *Погода здесь беспрепятственно переменяется: то вдруг тепло, как у нас в июле месяце, то вдруг ливень, морозов однако же до сих пор*

не было... (с. 82), записи о быте участников экспедиции, снабжении, продуктах питания: *Пороху мало, но провиант есть на 2 месяца. Я на случай и для себя заготовил сухарей на 6 недель, да 5 или 6 окороков; кофе вдоволь* (с. 120). Значительная часть текста писем посвящена профессиональной деятельности Пирогова и его коллег-врачей, отправившихся вместе с ним в Севастополь.

Выходы. Участие в обороне Севастополя было завершающим этапом врачебной карьеры Н. И. Пирогова, после чего основной его деятельностью стала научно-педагогическая. Опыт работы в Крыму, непосредственные впечатления о котором были зафиксированы в письмах, Пирогов позже обобщил и изложил в других своих произведениях, написанных в разных жанрах: «Начала общей военно-полевой хирургии», «Военно-врачебное дело», «Отчёты Обществу попечения о раненых и больных», «Дневник старого врача». Представляется, что письма, с их достаточно свободной формой и практически ничем не ограниченными возможностями передавать любое содержание, фиксировать самую разную информацию, стали важным средством формирования рефлексии относительно всего осуществлённого выдающимся врачом. Синтез различных дискурсивных форм в эпистолярных текстах послужил в известной мере подготовительным этапом и основой для продолжения письменного творчества учёного и расширения жанрово-стилистического диапазона созданных им текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем). СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. 140 с.
2. Курьянович А. В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник Томского педагогического университета. 2009. Выпуск 9 (87). С. 146–150.
3. Курьянович А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Анна Владимировна Курьянович. Томск, 2013. 40 с.
4. Мнихович М. В., Вернигородский С. В. и др. Наследие Н. И. Пирогова и его влияние на развитие современной ме-
5. дицинской науки (к 200-летию со дня рождения) // Медицинский курьер. 2010. № 5 (317). С. 78–83.
5. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 652 с.
6. Радзіевська Т. В. Дискурсивні простори: історико-лінгвістичний вимір: монографія. К.: ДП «Інформаційно-аналітичне агентство», 2018. 323 с.
7. Севастопольскія письма Н. И. Пирогова 1854–1855. СПб. 1907. 231 с.
8. Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. № 23 (124). С. 132–143.

REFERENCES

1. Belunova N. I. The familiar letters of creative intelligentsia in the late XIX – early XX cent. (Genre and text of letters). SPb, 2000. 140 p.
2. Kurjanovich A. V. Functionalities of the epistolary discourse as a special form of the interpersonal communications // TSPU Bulletin. 2009. 9 (87). P. 146–150.
3. Kurjanovich A. V. Dynamics of genre and stylistic features of the Russian epistolary discourse of carriers of the elite type of speech culture (XX–XXI cent.): Abstract of tesis ... Dr. Filol. Sciences: 10.02.01 – Russian language / Anna V. Kurjanovich. Tomsk, 2013. 40 p.
4. Mnikhovich M. V., Vernigorodsky S. V. et al. Heritage of N. I. Pirogov and its Impact on Modern Medical Science (To 200 Anniversary of the Birth) // Medical courier. 2010. 5 (317). P. 78–83.
5. Pirogov N. I. Sevastopol letters and memoirs. M.: Academy of sciences of the USSR, 1950. 652 p.
6. Radziyev'ska T. V. Discursive spaces: historical and linguistic aspects. Kyiv, 2018. 323 p.
7. Sevastopol letters by N. I. Pirogov 1854–1855. SPb, 1907. 231 p.
8. Fesenko O. P. The epistolary: genre, style, discourse // Vestnik of Chelyabinsk state university. Philology. Arts. 2008. № 23 (124). P. 132–143.

Discursive specificity of the “Sevastopol letters” by N. I. Pirogov O. K. Kuvarova

Abstract. The article deals with the discursive specificity of the “Sevastopol Letters” of an outstanding Russian doctor, teacher, scientist N. I. Pirogov. It is shown that in these letters three types of discourse are presented: 1) the epistolary discourse of a private letter, 2) a report discourse, 3) an expedition journal discourse. Synthesis of various discursive forms in epistolary texts has become a means of reflection of the scientist regarding his activities, the basis for the continuation of his written work and the expansion of the genre-stylistic range of the texts created.

Keywords: letter, epistolary, discourse, epistolary text, diary, genre.